

Юнис Виноградова

Небесный пекарь

Юнис Виноградова
Небесный пекарь

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Виноградова Ю. А.

Небесный пекарь / Ю. А. Виноградова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Нелюдимый молодой человек Асфодель знакомится с девушкой, которая его давно привлекает. Один из её друзей, странный музыкант Трикстер, обнаруживает в герое необычный темный дар, которым стремится воспользоваться, обещая взамен исполнить его заветное желание. Асфодель понимает, что между девушкой и Трикстером существует некая нездоровая связь.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

НЕБЕСНЫЙ ПЕКАРЬ

Посвящаю моим родителям

Глава 1

Если кто-нибудь будет любить меня после смерти, пусть об этом промолчит.
В. Розанов

Лестница – именно это укрытое деревьями место было прибежищем любителей запретных трав и алкоголя – это мы знали лучше, чем кто-либо. Ведь здесь прошла наша с Елисеем юность, то время, когда нас уже никто не ждал дома. Ветхая, петляющая, отмытая дождями и опаленная солнцем до светло-серого цвета. В ней уже не хватало чуть не каждой третьей ступени: нам приходилось брать попутчика под руку и вместе делать комически гигантский шаг над ямой, над темнеющей внизу пожухлой травой. Мы собирались здесь после школы, и от страха, что нас застанут с сигаретами, нам становилось еще веселее. Она вела в заброшенный, мертвый райончик, «пряничный городок», как его принято было называть.

Теперь я специально прихожу сюда, потому что знаю, что тут можно застать их: на площадке, поставив ногу в чёрном, до колена прошнурованном ботинке на погнутую нижнюю перекладину перил, стоит Хлоя, со своим вечным отстраненно-печальными видом. Здесь, лицом к ней, потягивая что-то из бутылочки, которую припрятал за пазухой, как бы загородив для девушки путь к отступлению, стоит – никак не разберу, то ли надоевший ей спутник, то ли надсмотрщик – отвратительный долговязый Джад.

Пожалуй, я единственный, кто гуляет здесь в это рассветное время просто так, не потому, что ему требуется попасть на работу из старого города в новый. Но и мне скоро нужно будет улизнуть в пекарню, и притом так, чтобы они не догадались, что я тоже тут, внизу, караулю, прислонившись к лестничной балке. Хлоя курит, медленно, машинально выдыхая кудрявый дым. «Когда она говорит по телефону, то всегда. Обычно, приходя домой, первым делом она... у нее была одна странность...» – обо всем этом я на самом деле даже понятия не имею, но хотел бы знать все о ней. С болезненным любопытством я выяснял эти вещи, тайком, так, что она вообще не догадывалась о моем существовании. Наверное, я и есть трус, ведь боюсь даже подойти к ней и заговорить, попросить сигарету, в конце концов. Но я чувствую, что должен это сделать – заглянуть в ее глаза, чтобы быть готовым встретить то, что ее ждет, может быть, завтра, может быть, через несколько минут. Возможно, то, что я следил за ней, но не приближался настолько, чтобы она заметила меня и невольно запомнила, было не очень честно по отношению к ней. Вдруг ей тоже любопытно было бы узнать обо мне всякие мелочи, которые знают друг о друге только друзья. Например, почему я никогда на ночь не выключаю в своей комнате свет, и в конце коридора тоже оставляю горящим ночник. Или почему у меня каждая комната запирается на ключ, точно они все принадлежат разным людям, хотя все ключи хранятся только у меня? Они лежат в ящике из-под кубинского сахара, даже это я мог бы рассказать тебе, милая. Но с чего бы вдруг это тебя заинтересовало? Ведь девушек вроде тебя не привлекает глупая Синяя Борода. И потом, нужно еще поискать двух людей, настолько разных, как мы с тобой. Такие как ты спят до обеда, медленно возвращаясь к жизни после ночи, каждая из которых перетекает в вечеринку, лениво ходят по квартире в шортах и тапочках, с растрепанной головой, нашаривают на полке пачку сигарет и, не завтракая, курят, бесстрастно поглядывая в окно или высунувшись из окна углой лодки-лоджии. А в ответ на них плятятся бесконечные копии их домов, гигантских неровно расставленных свечей неведомого торта. И поэтому, если присмотреться повнимательнее, отвлечься от острого кончика сигареты (указывающей, по поверью, что тебя кто-то любит), и не шурить глаз, когда туда норовит влететь непрошенная пепельная мушка, обязательно заметишь в окне напротив еще одну надутую сову, приходящую в себя после ночного вылета в город. Так вот, когда ты только приходишь в себя, я уже шесть часов на ногах, принимаю продукты для утренней смены, замешиваю опару, когда за окном

вместо неба все еще плоская чёрная доска. Потом – небольшой перерыв, можно выпить кофе, сидя на скамейке между стеллажами в кладовке, маленькой подвальной комнате без окон, но я почти всегда иду с ним в свою рабочую комнату, потому что она одна из самых светлых в доме. Когда оконное стекло словно заливает жирными синими чёрнилами, после многих часов замешивания, выстаивания и сажания хлеба в печь, я сажусь, наконец, на табуретку (руки звенят от усталости), и понимаю, что можно собираться домой. Сегодня я сбегу немного раньше, потому что мне нужно снова непременно увидеть тебя, а если вдруг ты не придешь на свое обычное место, то найти.

Я шел по тихому городку, сплошь состоящему из новеньких, невысоких зданий, полностью готовых, с еще блестящей на них краской, точно оставленных подсыхать старательным ребенком. Райончик этот, примостившийся между двумя поросшими лесом холмами, был идеален для жизни, но напрочь ее лишен, пуст, как бывает пуста декорация завершеного фильма. Подобие жизни можно было наблюдать здесь только по утрам и вечерам, когда люди шли через этот район по своим делам. И я бы принял его за выдумку, если бы не видел собственными глазами всякий раз, когда спускался по Уклону. Это узенькое, по-средневековому мощеное брусчаткой ущелье, над которым нависали укутанные сеткой дома-прокаженные, прорывалось неожиданно посредине в уютную, также ныряющую вниз и за поворот улочку, блестящую праздничными огоньками новой, свежепокрашенной в красный и желтый маленькой гостиницы. Все подоконники ее были украшены еловыми ветвями, щедро припорошенными искусственным снегом, но ни в одном окне не горел свет. Я вообще не помнил, въезжал ли сюда кто-то когда-либо. За гостиницей пряталась еще вереница таких же пряничных домиков, дальше было раздорожье: одна узкая улица, еще со следами песка и прочего строительного мусора, вела мимо пустых зарешеченных витрин будущих банков и аптек к лубочно пузатой церквушке. Другая же, обнаруживая несколько дорогих особняков, окруженных садиками, и какой-то домик-замок с разноуровневыми переходами, внезапно обрывала это леденцовое царство на грязном пустыре, с жирной, разъезженной грузовиками грязью. Там были свалены бетонные плиты и ненужные больше размытые дождем кучи песка. Дальше, за этими странными барханами, стоял дом с ирисами, который я мысленно так называл из-за барельефа в виде семи тонких, болезненного вида цветков на фронтоне, прямо над входом. Он был тут, видимо, еще до всех прочих. А за ним уже шептались тёмной тяжелой зеленью дерева, росшие у подножия двух холмов; под сенью этих зарослей можно было вскарабкаться наверх. «В низине селиться плохо – комарье, болотный воздух», – вспомнились некстати неодобрительные слова, брошенные местной торговкой.

Мне повезло, я сразу заметил ее на площади недалеко от Дома с ирисами: она стояла рядом с уличными музыкантами, протягивая перед собой шляпу и предлагая каждому проходящему вознаградить их за нехитрую затею. Чуть позади нее парень со светлыми, растрёпанными волосами, по обыкновению глядя куда-то в сторону, не очень умело играл на флейте какую-то грустную мелодию.

Девушка заметила меня издали, шагов за десять, и перестала водить свою шляпу перед быстро проходящими мимо людьми, которые в основном смотрели на этот тёмный головной убор так, будто им предлагали запустить руку в капкан. Музыканты с девушкой зарабатывали на этом самом месте, возле бордюра на пустеющей вечерней площади, уже не первый день. Именно там я заметил ее впервые, и она поразила меня тем, с какой грустной серьезностью выполняла эту работу, которая многим кажется недостойной – «пусть идут работать, вечно эти негодяи на пиво клянчат!». Обычно такой профессиональный проситель, аскер, старается быть приветливым и улыбочивым, чтобы понравиться прохожим, нередко у него заготовлены смешные, неожиданные фразы, или же он сам вытворяет маленькие забавные фокусы, пританцовывая под музыку, чтобы заполнить в свою шляпу побольше измятых бумажек.

Но она не стремилась этого делать. Она вела себя так спокойно и уверенно, точно все и так знали, что должны положить пару золотистых монеток в ее большую старую шляпу с полями. Она смотрела на проходящих мимо людей внимательным, очень пристальным взглядом черных глаз, и была сама серьезность, выполняя как будто важный обряд. И странно, но это имело действие – то и дело кто-то, в основном мужчины, останавливались на минутку, чтобы опустить что-нибудь в протянутую шляпу.

Некоторые, как это обычно бывает, бросали кроме денег жетончики, жевательную резинку, конфеты, но купюры тоже попадались часто. Не верилось, но мне рассказывали, что за вечер такая команда могла собрать даже несколько сотен, которые затем честно делились на всех и тратились. Разумеется, на еду и алкоголь, о чем некоторые честно предупреждали на стоящей подле картонке. Все эти простые обычаи я знал еще из нашего славного прошлого. Проверив карманы, я тоже заготовил купюру – не слишком много, но и не оскорбительно мало – и двинулся к музыкантам по мокрой брусчатке. Я приблизился к девушке: большие глаза на бледном округлом лице с вечно смазанными вокруг них тенями, всегда серьезный рот, невыдающийся чуть вздернутый нос – это лицо производило такое впечатление, будто оно лишь случайно совпало с человеческими представлениями о красоте. Что касается меня, чем больше странного было в ее лице, рваных движениях, чёрной, отрицающей остальные цвета одежде, тем интересней она мне казалась. «Ненормальный тянется ко всему ненормальному, это ясно, как белый день», – подытожил внутренний голос, но я только улыбнулся его ворчанию. Не замедляя шага, стараясь напустить на себя рассеянный вид, как будто тороплюсь, я опустил в протянутую ею шляпу ветховатую бумажку. Она ответила мне небольшим ироническим поклоном. Я остановился возле музыкантов – мое подношение теперь позволит мне задержаться возле них чуть дольше, точно мне и правда нравится незатейливая игра двух музыкантов-нерях у девушки за спиной. На самом деле я пытался запомнить как можно лучше именно ее. Я прихожу сюда уже не впервые, но каждый раз – из-за нее. Мир сузился для меня сейчас до пределов ее хрупкой фигуры, одиноко чернеющей на блестящей мостовой. Зябкий вечер осторожно обнимает ее за плечи, за спиной бренчит фальшивым перебором гитара, но еще чуть-чуть – и я перестану слышать ее назойливый звон. Стараясь не встретиться с ее взглядом, я смотрю вскользь, на старую коричневую стену дома, но боковым зрением рассматриваю ее сочно-голубые глаза, глаза цвета лета, до которого еще так долго, которые тоже рассеяно блуждают по вывескам за моей спиной, в поисках следующего желающего поблагодарить за игру. Получив желаемую награду, она, казалось, тут же совершенно потеряла ко мне интерес. Хотя я понимаю это, но, будто загипнотизированный огоньком сигареты в маленьких белых пальцах, не могу оторваться, и с какой-то болезненной нежностью поминутно смотрю то на них, то на обветренные сжатые губы, жадно втягивающие дым. Дым и наше дыхание сливаются в одно облако, в котором мы стоим, одни посреди пустой зимней улицы. Увидимся ли мы снова? Может, когда я буду искать ее, то уже не найду на лестнице или с уличными музыкантами, и я больше не увижу эту диковинную и диковатую девочку. Поэтому сейчас я смотрел на нее и старался вобрать в себя малейшие детали ее образа – моток разноцветных ожерелий-змеек на шее, перепутанных с тускло поблескивающими цепочками. Они оставляют открытой маленькую ямку между ключицами, смутно белеющую слоновой костью. Ее шея выглядит такой беззащитной в небрежно застегнутом чёрном воротнике, что я хотел бы его поправить, но она бы мне не позволила. Отвела бы мою ладонь или сама отстранилась бы. Может, я боюсь ее? нет, скорее просто не хочу упустить, спугнуть, как бабочку, неожиданно севшую на подоконник. Внезапно налетевший ветер треплет ее юбку, тоже угольно-чёрную. Из-за этого наряда она кажется мне тихой монахиней, которая смиренно опустила глаза. Монахиней с огромными, грубо подведенными глазами, в которых заплясали холодные синеватые огоньки, монахиней с красными спекшимися губами. Она сегодня пила вино, смутно понимаю я. Много дешевого вина влилось сегодня в этот прекрасный рот, но это не утолило его жажды. Я чувствую, как

странные тонкие иголки пробегают у меня по спине, стоит мне приблизиться хоть на сантиметр ближе к ней, их посылает ее серьезный испытующий взгляд исподлобья. Я пытаюсь ответить себе, чего хочет эта странная девочка, кажущаяся одновременно озлобленной и нежной, так похожая на всех своих бездарных дублерш из фильмов ужасов? Нет, разумеется, это их выбрали лишь из-за приблизительного сходства с ней. Ниточки сизого дыма вырвались из ее ноздрей, она словно говорила: «Ну, чего еще тебе нужно?», но не переставала, однако, улыбаться сомкнутыми губами. Я даже не заметил, как моя рука протянулась к ней, одну бесконечную секунду в моей голове, как в игрушке-буранчике, крутились мысли: какой будет на ощупь ее кожа: холодной и гладкой, какой кажется? бархатной, детски теплой? Своим внезапным движением я сократил разделяющее нас расстояние, и, мне показалось, явственно услышал, как раскалывается тонкая корочка льда, появляющаяся на воде в первые холодные дни осени. Она не испугалась. Она сделала маленький шаг навстречу и заглянула мне в глаза, а я не мог ответить ей тем же, я просто стоял, как нелепый британский стражник. Тут двое парней приблизились к нам.

Один чуть ниже меня, со светлыми крашеными вихрами и ярким ртом, второй – высокий рыжий неприятный тип. Мне показалось, что оба они уже немного пьяны.

– Ну что, улитенок, много собрала? – обратился он к девушке, смело обхватывая ее сзади. Она не удивилась и не воспротивилась. «Улитенок»? Господи! Неужели это ее парень? Хотя разве это странно, что она не одна...

– Сегодня негусто. Руки замерзли, если честно, – негромко произнесла девушка, повернувшись к парню. Тот нагнулся поцеловать ее, но она отвернулась, и ему удалось лишь зарыться лицом в ее волосы. Голос у нее был негромкий, но четкий, грудной. Есть люди, которым не идут их голоса, те словно стыдятся их, выплевывая слова отрывисто и скупно, но девушке определенно шел ее тембр, напоминающий бархат.

Рыжий принялся неловко засовывать гитару в брезентовый чёрный чехол. Девушка отдала своему спутнику шляпу и зябко потерла ладони, парень прятал в заплечный мешок флейту. Вот-вот уже они уйдут, и неизвестно, удастся ли мне застать их снова!

Блондин только сейчас, похоже, заметил меня, недоверчиво осмотрев, спросил свою подругу, указывая на меня:

– Эй, это с тобой?

Она замялась, снова одарив меня внимательным взглядом.

Наконец. – Я Хлоя, а тебя как зовут?

– Асфодель.

– Это наш самый благодарный слушатель за этот вечер, – сказала девушка спутникам.

– А, ну спасибо, мужик, – отозвался блондин, немного повеселев. – Но нам пора, еще есть дела.

Девушка приняла у рыжего какой-то свой сверток и поплотнее завязала на шее шарф. Парни уже собрали свои вещи и двинулись вглубь улицы по блестящим спинкам булыжников. Но она, к моему счастью, медлила.

– Слушай, мы сейчас пойдем выпить чего-нибудь на вырученные деньги. Не хочешь с нами? – спросила она.

Я хотел. И она даже на самом деле не знала, как был этому рад.

Мы расположились отдохнуть на скамейке в парке, взяв в автомате кофе. Светловолосый, представившийся Марсом, удивительно напоминал мне одного человека: светлыми вихрами, несглаженными углами. Я чувствовал, что он был как бы порохом, которому достаточно крохотной искры, чтобы вспыхнуть: смехом ли, яростью. Рыжий же все время молчал, только поглядывал на девушку.

– А почему бы тебе не сходить с нами на представление? – спросил Марс. Его неприязнь ко мне, кажется, стала проходить.

– Правда, там всегда суматоха, – заметила она. – Мельтешат огни и вечно громкая музыка.

– Ну и что? Готов поспорить, ты уже давненько не отрывался, а?

«Вот сейчас, – быстро посоветовал внутренний голос, – открой рот и скажи: «Спасибо, ребята, но я, пожалуй, пойду, меня же жду...» – Знаю, что ждут, – оборвал я голос, – Но ты понимаешь, что значит такое приглашение? Это, может быть, мой первый и последний шанс!».

– Мне очень хочется пойти, но... – начал было я.

– Э, только не нужно отнекиваться. Не понравится – просто уйдешь. – сказал парень.

– Дело твое, конечно, – тут же добавила девушка. – Но я, например, могу обидеться, если ты не пойдешь. И ведь Марс же не сказал самого главного – мы не просто зрители – мы сами будем там выступать!

– Ты не думай, – встрял Марс, – представление будет не чета этому – сделал он небрежный жест в сторону площади, – то брэнчание – только разминка, все ради смеха. Вот вечером начнутся настоящие чудеса – там уж будет не до сбора мелочи, – с этими словами он вновь полез с ласками к девушке. Я отвернулся.

– Ну так что же – ты с нами? – спросила она, потягиваясь с притворной ленцой. Я понимал, что надо согласиться. Не только потому, что меня убедили их доводы. Не только из-за того, что мне, конечно, было очень любопытно посмотреть, что эти двое будут делать на сцене. Тут крылось что-то еще, гораздо более важное. Хоть я изо всех сил старался не смотреть на них, то, что девушка и Марс просто были рядом, уже включило во мне ненавистный маховик – мне поневоле стали передаваться их ощущения. Рыжий казался вроде как усталым. Парень с девушкой, хотя и старались выглядеть беспечными, на самом деле были напряжены. Чего же им опасаться? Того, что случится на концерте? Или это обычный страх сцены? Нет, не только это. Я вдруг с беспокойством начал ощущать, будто какая-то ниточка грозила вот-вот оборваться, но всё мучительно не мог догадаться, какая. Так порой не можешь заснуть оттого, что ломаешь голову, не в силах вспомнить что-то важное. Кому-то из них угрожала опасность, может, даже смертельная.

– Послушайте, может, не пойдём, а просто выпьем где-нибудь? – с надеждой предложил я.

– С какой стати? – насмешливо сказал Марс. – Нельзя не явиться, Трикстер сильно рассердится, а его нельзя расстраивать.

– А кто он?

Повисла пауза.

– Главный над вами? Актер? – продолжил расспросы я.

– Ну, что-то вроде этого, – сказал Марс.

– И то, и другое, – улыбнулась девушка.

– Что он обычно делает на концерте?

– Всё. – просто, убежденно произнесла она. В ее голосе было уважение и... страх?

Возможно, я хотя бы смогу ей помочь.

Поплутав по вечерним улицам, мы дворами вышли к тёмному заброшенному дому с закрытыми жёстью окнами. Обогнув его, мы оказались у приоткрытой железной двери, из-за которой лился синеватый свет.

Тут рыжий, Джад, как называл его Марс, жестом велел нам остановиться. Долговязый достал маленький штамп и поставил нам на запястья печати, светившиеся при свете люминесцентной лампы у входа: печать изображала наклоненную голову, как я решил, минотавра.

Затем мы проследовали дальше по старому коридору со вздыбленным линолеумом. По углам валялся какой-то мусор, разломанные стулья.

Мы вошли в одну из комнат, переделанную под гримерную. На разошедшемся паркете стояли ширмы, у стены примостилось надтреснутое зеркало.

Не прячась за загородками, несколько девушек спешно переодевались в белые трико с перьями. Я было смутился, но быстро понял, что на нас не обращают никакого внимания. Хлоя прошла за ширму, разворачивая свой сверток. Мы с рыжим и Марсом вышли, и парни повели меня дальше по тёмному коридору, через клубки проводов и старые ящики. Коридор вдруг вывел нас в большой зал с освещенной сценой. Здесь еще сохранилось несколько рядов линялых театральных кресел, от которых шел душный запах ветоши. Должно быть, это какой-то заброшенный дворец культуры, решил я. В зале уже было человек двадцать парней и девушек, кое-кто устроился в креслах, потягивая пиво, остальные сидели на полу, почти все были в чёрном.

Там, на сцене, я впервые увидел Трикстера. Он был невысоким, скорее коренастым, с крупной стриженной головой и небрежной щетиной, одет был просто, в белую футболку и чёрные джинсы, на вид довольно поношенные. Он возился с микрофонной стойкой, и от его фигуры на истертые доски сцены падали две косые тени. Его руки от кистей до плеч были покрыты татуировками в виде, как мне показалось, листьев и переплетенных тёмных стеблей травы. Марс потянул меня за рукав:

– Пойдем, познакомлю тебя с ним.

– Нет-нет, что ты, я просто посмотрю, я вообще не знаю, что могу ему сказать.

– Ты что! Посмотри на этих людей – они все мечтали бы оказаться на твоём месте.

Все так же придерживая меня за руку, словно боясь потерять в пока еще негустой толпе, которая уже собиралась перед сценой, Марс быстро взбежал по узкой лесенке, приставленной к сцене сбоку, и буквально поставил меня перед Трикстером. Он внимательно посмотрел на меня, задержавшись на моем лице, но я отвел взгляд, чтобы не смотреть прямо в его карие, глубоко посаженные глаза. Многочисленные кольца в его ушах блестели при свете ламп, даже брови были проколоты острыми серьгами-шипами. На его лице блуждала неопределенная насмешливая улыбка. Он молчал.

– Добрый вечер, очень приятно, – промямлил я.

– Это ненадолго, – с ироничной улыбкой проронил он.

Марс тоже усмехнулся. Запахнув руки в карманы рваных джинсов, он оглядывал всё прибывающую толпу.

– Чувствую, сегодня представление выдаться отменным, – сказал парень.

– Тебе пора переодеваться, Марс.

Трикстер посмотрел на меня с хитрой улыбкой заговорщика, весь его вид словно говорил мне: «Ну, как думаешь сам, чего ты стоишь?». Я поспешил перевести взгляд на его подбородок, чтобы вновь не попасться в ловушку тёмных, глубоко посаженных глаз. Затем музыкант скрылся в глубине сцены.

Трикстер совсем не походил на рокера, которого я уже успел нарисовать в своем воображении, хотя его вид и говорил об обратном. Он был, как мне показалось, очень сосредоточен и спокоен, будто шаман перед медитацией. Легкий же смешок и улыбка оставались при этом как бы на поверхности.

Спускаясь по лестнице, я заглянул в провал кулисы и вновь увидел девушку: она уже успела переодеться в золотистое трико с разбросанными по ткани переливающимися камешками, открывающее худые бледные ноги. Обуви на ней не было.

Она улыбнулась мне и тронула за запястье:

– Скоро начинаем. Подожди, Асфодель.

Ее волосы были так черны, что в свете софитов отливали синевой, а бледная кожа будто обладала каким-то своим внутренним свечением. Сейчас, освещенная огнями сцены, Хлоя показалась мне совсем другой – крохотной, но ослепительной искрой.

Мы с Марсом снова прошли через коридор за кулисы, и я чуть было не упал, зацепившись за одну из многочисленных веревок, свисавших с тёмного потолка.

– Ты музыкант?

– Да нет, – махнул он рукой.

– Как ты попал сюда?

– Да так же, как и ты, случайно, – проронил он. Марс улыбался, но мне показалось, что в его голосе мелькнула нотка раздражения – он не хотел, чтобы я был здесь? Ревновал меня к Хлое?

– Я встретил ее в компании, познакомился. Она пригласила меня на концерт. Трикстер заметил меня, сказал: «Хочешь попробовать себя в представлении?». Я хотел.

– Кто этот Трикстер?

– Скоро увидишь. Артист, если не углубляться. Он очень интересный... человек. Может, после представления тебя проведут в гримерную, он будет там.

Я кивнул, хотя на самом деле меня не интересовал этот певец, мне просто хотелось вновь увидеть девушку с печальным выбеленным лицом, казалось, всегда готовым к пантомиме.

Парень будто угадал мои мысли.

– Что, нравится тебе Хлоя?

– Она привлекает внимание, – обтекаемо выразился я.

– Да, к ней всех тянет, – грустно улыбнулся парень.

Возможно, он и не был таким неприятным, каким показался мне сначала.

Тут Марс покачнулся, схватившись за грудь.

– Эй, что с тобой? – наклонился я к нему.

– Да так, ничего, надо меньше пить. Ладно, мне скоро пора выступать, – сказал Марс, и я вновь отправился в зал.

Народу уже собралось порядочно, сидячих мест не осталось, очень многие устроились под сценой прямо на пол. Я прислонился к стене. Минут через десять публика начала выказывать признаки нетерпения, свистя, улюлюкая и топая ногами. При особенно энергичных движениях разошедшиеся паркетные доски взмывали вверх, что неизменно вызывало приступы хохота.

Наконец раздалась печальная струнная мелодия. Первыми на сцене появились девушки, которых мы застали за подготовкой в гримерной. В белых пышных юбках, украшенных чёрными перьями, они сделали несколько пируэтов, затем взялись за руки, кружась. Золотым язычком пламени в их хоровод ворвалась чёрноволосая девушка, и они окружили ее, как бы стараясь прикоснуться и не смея, а затем подняли на руки и вознесли вверх. Музыка стала более тревожной, и стайка прекрасных танцовщиц разбежалась, словно страшась чего-то.

И вот пружинящей походкой на сцену вышел Трикстер. Полог за его спиной поднялся, там стояла барабанная установка, место за которой занял Марс. Трикстер же держал в руках большую многостольную флейту, это она звучала за сценой.

Публика, откровенно скучавшая при балетном выступлении, оживилась и заулюлюкала. Они явно пришли сюда именно за этим. Музыка Трикстера напомнила мне записи со старых родительских кассет. С написанными от руки на бумаге названиями групп вместо обложек, они были артефактами невероятной эпохи – когда нашим родителям было столько, сколько нам. Я, стоя среди покачивающейся в такт музыке толпы, чувствовал все то же полудозволенное наслаждение, которое мы ощущали, ставя эти кассеты, грозившие вот-вот рассыпаться в немой прах. Подростки стали прыгать, вскидывать вверх сложенные в «козу» руки и подпевать. Мне удалось разобрать только фразу «мертвый лотос».

Ликование публики, агрессию музыки и ее ритм, такой сильный, что отдается у тебя в груди, мешая ритму сердца или смешиваясь с ним, я ощущал в десятикратном размере. Я внезапно понял, насколько они, нарочно натыкающиеся друг на друга, бьющие плечом и сбивающие друг друга с ног, пьяные и веселые, неистово целующиеся – младше меня, и впервые, наверно, почувствовал, что я уже не так юн. Ведь обычно это я был мальчишкой среди груз-

ных пекарей и огромных женщин за прилавком. Здесь же почти все были подростками, пусть и некоторые из них – густо и старательно покрашенные рослые девицы и парни в цепочках и чёрной одежде – и старались выглядеть старше. Странное дело, они все маскировались под взрослых, и только я – наоборот. И мне было ясно, всё это сделано, чтобы зацепить меня, завлечь и повести очарованного за собой. Так недоверчивая крыса подозрительно смотрела бы на дудочку крысолова. Именно поэтому мне смутно не нравилось то, что здесь происходило. Я отвык от громкой музыки, оглушительной, такой сильной, что ее ритм чувствуешь у себя в груди вместо ударов сердца. Отвык от этого бешеного, нарочитого веселья, в котором мы купались еще несколько лет назад. Последнее время все мои развлечения сводились к тому, что я слушал старый рок. Также я больше почти не пил с тех пор. Выпивка больше не заставляла меня летать, как в 16–17 лет, теперь от алкоголя у меня чаще сжимало виски и неудержимо клонило в сон.

Марс выдавал неистовые комбинации на ударных, Трикстер играл виртуозно и быстро. Я даже не ожидал, что постепенно его музыка придаст мне столько энергии, сообщит какое-то залихватское, почти сумасшедшее веселье. Флейта позволяла почувствовать себя точно на каком-то древнем празднестве вина. Где-то после пятой песни мне даже захотелось двигаться в такт музыке. Я помню, что пока длился концерт, весь зал словно слился в едином порыве, в одном безумном ритме. В этом царстве сумасшедшей мелодии, света и мелькающих ярких огней кровь стучала в нас, подчиненная музыке этого татуированного человека.

Наконец Марс вышел из-за установки, и Трикстер, оставшись в одиночестве на сцене, освещенный столбом света, исполнил что-то вроде затейливой средневековой баллады. Это было последней песней вечера и музыкант поклонился, раскинув руки. Публика кричала и бесновалась, требуя возвращения Трикстера. Кто-то попытался залезть на сцену, но его стащили.

А потом, как я понял, пришло время настоящего театрального представления, и довольно странного. Сначала на сцену вновь вышел Марс, его кожа была разрисована золотисто-бурыми красками, на бедрах была белая драпировка, во взлохмаченных волосах – бумажные розовые цветы, красивые, невзирая на их искусственность, на шее – цветные цепочки и костяные бусы (наверное, взял у моей белоснежки). Он шагал гордо, как на каком-то торжественном шествии, а в руках держал амфору. Из-за кулис выбежала стайка девушек-лебедей, они начали кружить возле него, протягивая к ней руки, но Марс оставался невозмутимым, он продолжал идти, его глаза мягко смотрели в никуда. Вдруг на смену лебедям пришли чудовища – удивительно, но за кулисами я не видел никого в таких костюмах – с серой кожей и разинутыми красными пастьями, они взяли Марса в кольцо, и это выглядело действительно жутко. Он словно проснулся, испуганно заморгал глазами, захотел вырваться из круга, но одно из чудовищ сразу же чуть не схватило парня.

Толпа тем временем бесновалась. «Добей его!», – крикнул кто-то, и зал взорвался хохотом.

Но тут Марс внезапно крутнулся на одной ноге и – волшебный фокус – вместо него на сцене, но уже за страшным кругом, появилась Хлоя в том золотистом наряде, амфора была уже у нее. Зал аплодировал и свистел. Серые монстры двинулись к Хлое, и та начала пятиться вглубь сцены. Когда их когти почти коснулись девушки, сверху упал канат, она схватила его одной рукой и легко поднялась в темноту. Чудовища топтались, разевая рты, старались достать ее, пока не опустился занавес. Зал взорвался криками и аплодисментами, кто-то неистово размахивал открытой бутылкой пива. Под сценой началась толкотня и драки.

Я протолкался через густую толпу к железной двери чёрного хода, за которой был пустырь, прямо же перед дверью темнела неглубокая яма с подгнивающей листвой. Я остановился у входа, наслаждаясь холодным ветром, таким свежим после прокуренного, жаркого нутра клуба.

Только я достал сигареты, как услышал тихий стон. В яме что-то белело. Я подошел ближе и увидел там... Марса. Он, все еще по пояс голый, измазанный бронзовой краской, скорчился на ее дне.

Я обхватил его и потащил – не смог приподнять, таким обмякшим, тяжелым было его тело. Оно оставляло след на усыпанной палой листвой земле. Спиной открыв заднюю дверь клуба, я занес его туда. За ней чернела ниша, образованная лестницей. Сверху раздавались голоса – там, через два лестничных пролета, была гримерная. Я хотел было броситься туда, чтобы привести кого-нибудь на помощь, но Марс судорожно и неожиданно сильно вцепился в мою руку, замотав головой. Тогда я положил Марса в этот темный угол, откуда на меня глянули исковерканные, странно изломанные лица со старых скомканных плакатов. «Послушай-послушай, – вдруг зачастил он, задыхаясь. – Она... это они. Берегись их. Они оба...», – его голос сорвался. Марс хватал воздух ртом, но никак не мог сделать вдох. Я не знал, что делать, меня и самого стала бить дрожь. Я приподнял его голову – бесполезно. На его худой обнаженной груди, измазанной землей, выделялась каждая косточка. Он дергался в отчаянной и, как уже было очевидно, бесполезной борьбе за жизнь, и я не мог понять, что было тому причиной – на нем не было заметно никаких ран. Что же это с ним?! «Может, астма? Все вы тут курите, как будто никогда не умрете», – проворчал очнувшийся внутренний голос. «Господи, не сейчас. Лучше скажи, что делать!». «Уже ничего, малый – смотри». Я опустил глаза и вдруг встретился с потемневшим взглядом Марса, застывшим в отчаянии и мольбе. Я быстро пощупал пульс на его шее – ничего. «Не бойся, Асфодель. Его глазам уже ничем не испугать тебя». Действительно, понял внезапно я, только во взгляде мертвого мне уже ничего не прочесть. Возле тела парня я заметил нож – короткий, блестящий, с простой чёрной рукояткой. Вероятно, он выпал у него из кармана. Поколебавшись несколько секунд, я, толком не зная, зачем, спрятал его за пазуху.

В зале тем временем уже повис настоящий туман от табачного дыма. Часть зрителей, устав и изрядно выпив, лежали прямо на полу, небольшими группками, многие обнимались, остальные вроде как спали. Трикстера нигде не было видно. Все в основном были одеты в чёрное, и я с тревогой подумал, как же я найду в этой темноте Хлою. Но вскоре я заметил ее: она, тоже уже изрядно пьяная, пошатываясь, ластилась к парню в косоворотке. Когда тот отодвинулся, она невозмутимо повернулась к его другу, но тот тупо и упрямо раскуривал трубку, не замечая ее, и вскоре она отключилась. Мне было на это наплевать. Я подошел к ней и бережно взял на руки, завернул в лежавшее на полу пальто: главное, хорошо, что с ней было все в порядке, в этом адовом и непонятном цирке.

Я нес свою бессильно обмякшую добычу, так и оставшуюся в золотом трико. Бледные блески сыпались на землю и прилипали к моим влажным ладоням. Я нес свою потерявшую сознание золотую рыбку, о чем не смел раньше и помыслить, в душе чувствуя себя гнусным Квазимодо. Мое сердце бешено стучало. Господи, лишь бы никто не заметил меня, идущего по пустынным ночным улицам полубезумного парня в чёрном, сжимающего в объятьях полуголую танцовщицу! «Ну, даже если тебя кто-то увидит – скажешь, что забрал свою подругу пьяной из клуба... это же почти правда». Конечно, господин полицейский. Вы же не узнаете, что за этой девушкой я следил уже несколько месяцев, и лишь сегодня мне неожиданно удалось познакомиться с ней, но совсем не так, как мне хотелось. И вот я уже несу ее к себе домой, как старый, алчный паук, не веря своему счастью, не веря, что все это случилось на самом деле. Ах да, господин полицейский, еще я только что попросился с ее парнем, я выслушал его последние в жизни слова, и не понял из них ровным счетом ничего. Он умер у меня на руках, господин полицейский, и был первым человеком, смерть которого произошла на моих глазах – было это просто, быстро и до безумия страшно. Но вы, дорогой служитель прядка, конечно, не узнаете ничего из этого. И, быть может, даже похвалите меня за то, как бережно несу я домой мою перебравшую подругу.

Глава 2

Конечно, мне хотелось, чтобы она была моей, с тех самых пор, как я увидел ее, все так же скользящей неверной походкой по осенней улице. И теперь она, ранее такая недосягаемая, лежит в уголке моей кровати, маленький спившийся ангел.

Я обжегся, торопясь поставить чайник, словно чувствуя себя гостем на собственной кухне из-за этой странной девочки. Что же она любит? Что приготовить – чай или кофе? Впрочем, кофейная жестянка все равно была почти пуста. В углу холодильника сиротливо жалось несколько яиц и пожелтевший кусочек сыра.

Она медленно открыла глаза, задумчиво осмотрела закипающий на плите бесхитростный железный чайник, мутное окно... я снял салфетку с блюда с булочками и поставил его перед ней.

– Как вкусно пахнет, кажется, будто их только что выпекли.

– Да, у меня всегда свежий хлеб.

Я должен был рассказать ей о том, что случилось ночью. Что ее парня больше нет. Должен был, но никак не мог набраться смелости.

– Так ты булочник!

– Пекарь. Люблю думать, что я продаю людям частичку домашнего тепла. Раньше, когда в каждом доме была печь, люди сами пекли хлеб. Теперь это за них делаем мы, даже на Пасху. Ведь хлеб – всегда больше, чем просто еда.

– Я бы, наверное, не смогла испечь хлеб.

– Это совсем не сложно. Послушай, вчера кое-что произошло... Марсу стало плохо после выступления. Мне кажется, он умер...

Она помолчала, потом вдруг хихикнула.

– Не могу поверить, что ты купился! Марс актер, он обожает всякие глупые трюки. Однажды переоделся старухой и целый день просил милостыню на центральной площади. И довольно много собрал.

– Мне кажется, ты не понимаешь. Он не дышал.

– Господи, мы же фокусники. Он может обходиться без воздуха в бочке с водой, минут двадцать! Марс разыграл тебя, потому что ты ему не понравился. Из-за меня, заметил, как ты на меня смотришь. Но только мне все равно, он не мой парень, только хочет так думать.

Я отвел глаза. Что за чертовщина. Может, я и правда глупо попался на шутку своего соперника?

– Асфодель... – после долгой паузы произнесла Хлоя, как ни в чем не бывало. Красивое имя. Что оно означает?

– Это горный цветок, его очень сложно найти. Некоторые считают, что он вообще не существует.

Когда я внимательно смотрел на ее пальцы, разламывающие пахучий сдобный мякиш, мне казалось, что только это и имеет значение, как она отламывает маленькие ноздреватые кусочки и осторожно берет их улыбающимися губами, и что сейчас я внимателен, как никогда, к тому, что действительно важно.

Я ясно видел, как преодолю кажущееся бесконечным расстояние в полметра и прижму к себе ее воробьиное тело, и одним рывком разорву покой моего одиночества, в котором живу, а она, замерев от неожиданности, обнимет меня в ответ и бесстрашно поднимет ко мне свое незащищенное лицо. Я тепло прижму к себе ее полудетское тело, уже пережившее многое, наши движения станут быстрее и беспорядочнее, а дыхание участится. Мы будем отрываться друг от друга только затем, чтобы полной грудью вдохнуть воздуха, и тут же опять бросаться в эту зыбкую глубину.

Но я не мог себе этого позволить, и смешно, как подробно я представил себе эту нашу несуществующую близость, в то время как наши тела соприкоснулись единственный раз, когда я нес ее ночью на руках, как несут уставших от игр, задремавших детей. Вот только ее игры уже не были невинны. Обычно в них играют люди, желающие вычеркнуть оставшийся смысл из своей, как они чувствуют, неудавшейся жизни. И я не мог и не желал позволить себе стать таким же, как все они, не хотел, чтобы она запомнила меня одним из них, ищущих быстрого, легкого забытья с туманом от выпитого в голове, после которого обычно остаются равнодушными и вечно продолжающими свои мелкие, суетливые дела, как животные. Кем вообще она видит меня, глядя сосредоточенно из-под взъерошенных черных волос – не таким ли раздолбаем-любителем ночных гулянок, в чьей постели нередко оказываются те, кого не знаешь по имени?

И так мне оставалось только смотреть на нее, как в тот первый день, когда мы впервые заговорили. Возможно, и она считала меня странным, но мне по-настоящему и не хотелось этого знать. Она нравилась мне не столько такой, какой была, сколько такой, какой казалась. Нет, вернее, она была мне интересна тем, что я видел ее под тем шаблонным образом, придуманным не ею и неровно напыленным на себя. Что останется, если смыть эти чёрно-синие стрелы с ее век, серые, серебристо смазанные тени, превращающие глаза в испуганных махаонов, если убрать старательно наведенную восковую бледность, нарочитую черноту волос, ресниц, бровей? Будет ли там что-то, кроме застывшего кадра из чёрно-белых фильмов?

Но то, что я чувствовал, не могло быть просто влечением. Она была для меня словно картиной, под верхним слоем которой скрываются старые, тайные знаки.

Хлоя не понравилась бы большинству, потому что не старалась этого делать. По молчаливому уговору нам более всего симпатичны те люди, которые демонстрируют свою заинтересованность в нас.

– Ты живешь один? – перевела вдруг она взгляд со своей чашки на меня. Прямой, голубой до ломоты в висках, ее взгляд был подобно внезапной остановке поезда.

– Да, – чуть помедлив, ответил я.

– А где твои родители?

– Ешь свою булочку.

Но ее глаза не оставляли мне шанса промолчать. Я смотрел на переносицу девушки, чтобы не поймать ее взгляд. Странно, но под его прицелом я не испытывал никакого стеснения, которое в обществе посторонних обычно заставляет меня напрячься и втайне мечтать поскорее остаться наедине с собой. Разговаривать с ней, не смотря на то, что я знал ее только как соглядатай, было все равно что... раздеться, когда на тебя смотрит кошка – по крайней мере, нестыдно. Я чувствовал, что могу рассказать ей многое, во всяком случае, больше, чем другим (мой внутренний собеседник тут же не преминул кольнуть: «Ну да, чуть больше, чем ничего»), и она, подобно ребенку, не будет делать глубоких выводов или выдавать мои секреты.

Я затаился глубоким вдохом, задержал дыхание, так долго, чтобы можно было словно забыть о наполнившем легкие дыме.

Мать оставила нас, когда мне было шестнадцать, а брату четырнадцать. Они с отцом, которого я помню лишь смутно, были геологами. Сейчас об этом напоминали только привезенные образцы минералов, сахарно поблескивающие на стеллажах нашей всегда полутёмной квартиры. Эти камни стали теперь мохнатыми от пыли, так давно я их не протираю. Хорошо было бы положить их все в ванну и полить из душа, но я никогда не делал этого. Со смешным суеверным ужасом я понимал, что они могут тут же начать оседать и безвозвратно таять, как большие куски мутного сахара и грязноватой соли. Мама любила походы, картошку прямо из костра, любила играть на гитаре и пыталась учить меня. Гитару продал брат почти сразу после ухода матери, когда ему в очередной раз не хватило денег на выпивку. Лучше всего я почему-то помню мамины покрасневшие пальцы, которыми она мыла котелок в ручье, не странно ли?

Она ушла поздно вечером, когда брат еще не вернулся домой с гулянки, а я ворочался в постели и не мог заснуть. Из-за неплотно затворенной двери я видел, как она торопливо набрасывает на плечи пальто, оценивающе глядит на себя в зеркало.

Не взяла с собой ничего, даже зубная щетка осталась сиротливо стоять в своем стаканчике.

На верхней полке ее шкафа, которая и сегодня выглядит в точности так, будто мать только что вышла за хлебом, я с неким удовлетворением, как генерал заслуженных бойцов, узнаю прозрачные, оставленные из жалости почти пустые флаконы духов, тёмно-гранатовые баночки с монолитно ссохшимся лаком, гребень с двумя светлыми волосами в нем, нитку жемчуга, посеревший платок.

Прежде чем она успеет спросить «Почему?» или «Ты по ней скучаешь?», я будто уже начал слышать комариный зуд хора жалобных голосов: «Бедняжка, а ведь это всё, что напоминает ему о маме». Но мне совсем не хочется уткнуться в подол этим бестелесным плакальщиком, ведь мне давно не жаль, что это произошло, ведь я никогда не был близок с ней, разве что, когда мы с братом были совсем детьми.

Было ли мне вообще когда-нибудь жаль? У меня нет желания разбираться в этом, хотя, возможно, это потому, что я все-таки боюсь, что острый безжалостный коготок осознания разорвет тонкую оболочку, которой покрыты мои нежелательные воспоминания и догадки. Да, мысленно я представлял их себе в виде громоздких сервантов и мощных кресел, стоящих аккуратно обернутыми чехлами в давно покинутом хозяевами доме. Может, они ждут, когда к ним вернуться и будут опять в них сидеть, снова расставлять на полках чашки?

Мама была довольно строгой. Ее мгновенные вспышки раздражения и гнева, которые я ребенком не мог предугадать, пугали и всякий раз осаживали меня. Елисей, может, потому, что был младше, реагировал на них с хитрой улыбкой, и они нисколько его не задевали. Она многое запрещала нам, что всякий раз вызывало наш праведный гнев, но что в итоге не мешало нам стать такими, какими мы есть. Я вижу ее очень явственно, в том маленьком отрезке воспоминания, которое по неизвестной причине особенно четко сохранила моя память: она, склонившись над кухонной раковиной, энергично моет невидимую мне посуду. На её плече – влажное махровое полотенце. Сбоку, обхватив её талию пухлыми ножками, за нее уцепился младенец-Елисей, а она бережно и крепко придерживает его свободной рукой. Мне и самому-то, наблюдающему все снизу, всего года четыре. Вот такой – простой, теплой, домашней, всегда занятой чем-то (из-за чего я, к несчастью, плохо запомнил ее лицо, скорее весь мамин образ), она была. «Она есть, – повторил, перебивая, внутренний голос. – ЕСТЬ, а не БЫЛА». Ну хорошо, хорошо, есть. Конечно, я должен так думать. Я просто сказал так, потому что это время – боже, а ведь мы были детьми двадцать лет назад!, – уже безвозвратно прошло. Когда я смотрел на фотографию себя самого в детстве, то понимал, что испытываю легкую печаль по этому ребенку, которого в каком-то смысле давно нет на свете. Его место медленно, но непреклонно занимал долговязый угрюмый парень, который избегает смотреть людям в глаза, потому что уже уверился – ничего хорошего в них нет. И сейчас вы не увидите меня на тех глупых летних снимках, где все довольные лежат у моря на полотенце.

Мама любила, к нашему стыду, вспоминать, как мы с братом появились на свет. Например, что я родился с открытыми глазами и никак не хотел делать первый вдох, как ни шлепал меня врач. Елисей же, наоборот, плакал и кричал постоянно, из-за чего шутили, что из него выйдет певец.

Маме также очень нравилось рассказывать обо мне маленьком, что, когда другие дети увлеченно играли в песочнице, я всегда ходил вокруг, рядом, зная, что надо заговорить, надо как-то познакомиться и подружиться. Возможно, тогда еще мне самому действительно хотелось это сделать, не потому, что так было нужно, так человек должен действовать, чтобы быть нормальным. Но я не мог. Я просто ждал, что меня возьмут в игру, но этого не происходило.

Вдруг вспомнив все это так живо, уже не зная толком, то ли я действительно это запомнил, то ли воссоздал по маминым рассказам, я понял – ничего, в сущности, не изменилось. Став взрослым, высоким парнем довольно угрюмого вида, я внутренне оставался все таким же нерешительным ребенком, которого стыдит и раздражает собственная трусость, и который так же завистливо наблюдает со стороны за жизнью других людей в надежде, что кто-то пригласит его присоединиться к ней. Стать, наконец, ее полноправным участником.

Ничего из этой исповеди, которая, возможно, вызвала бы у нее какое-то сочувствие ко мне, я не сказал вслух. Я докурил сигарету, растягивая вдохи, и бросил ее в стоящую рядом старую банку от томатного супа. Хлоя доела угощение и сейчас сидела на старом диване, покрытом овечьей шкурой, подобрав под себя ноги, двумя руками сжимая дымящуюся кружку чая. Взгляд ее скользнул по моему пыльному подоконнику, стоящей на нем кастрюле с подпаленным боком, вазону с умершим цветком. Было еще очень рано и странно тихо от этой наступившей без неумолчного рева машин тишины. По карнизу соседнего дома крался жирный рыжий кот, не отводя жадного взгляда от отвернувшегося флегматичного голубя. Она заметила рядом с собой книгу, лежащую обложкой вверх, которую я рассеянно оставил на кухне. Томик был затрепанный, синий с серебряными, полустертыми буквами – «Дафнис и Хлоя».

– Прямо как я! Кто они?

– Пастух и пастушка, которые очень друг друга любили. Сначала они думали, что приходят друг другу братом и сестрой. Их растили вместе.

Она быстро допила чай, хотя он еще дымился, поставила чашку с налипшими на дне чайниками на стол. Одна из них родинкой пристала чуть выше верхней губы. Я молча потер у себя это место, и она машинально тоже дотронулась до своей кожи, убрав досадный кусочек.

Потом она сказала, что ей пора. Я проводил ее в вечно полутёмную прихожую, где она нашла на вешалке свое маленькое чёрное пальто, набросила на плечи и попросила открыть дверной замок:

– Мне нужно спешить, а то Трикстер рассердится.

Тут я заметил, как из-под запертой двери в комнату, слепо шаря, высунулась рука. Боже, сейчас совершенно не время! Краем домашней туфли, чтобы не сделать больно, я подтолкнул ее обратно за порог.

– Подожди, мы еще увидимся? – быстро спросил я ее.

Она помедлила на пороге и промолвила:

– До свидания, – точно мы вправду были друзьями и она просто заходила ко мне в гости на чашку чая, как будто оно возможно, это «свидание».

– Позволь мне хотя бы проводить тебя.

– Не нужно, Джад меня встретит.

– Послушай, если они надоели тебе, я могу...

– Ты даже не знаешь, о чем говоришь, – прервала меня она и грустно улыбнулась.

«Да уж, – с ехидцей промолвил голос, – Марс ввязался в это, и что с ним теперь? Не очень-то было похоже на розыгрыш».

Белая растрескавшаяся дверь моего дома с гулким стуком, отраженным всеми лестничными пролетами, закрылась за ее спиной.

– Хлоя! Подожди! – Я выбежал за ней в тёмный коридор, – как мне найти тебя?

Быстро сбегая вниз по лестнице, девушка бросила, обернувшись:

– Сама тебя найду, когда будет нужно.

Я поспешил было за ней, но на лестнице уже не слышно было шагов. Должно быть, она свернула в небольшой переход, соединяющий две части дома, наша была более старой.

Я вернулся в дом. Было тихо, слышно только, как изредка капля воды срывалась с протекающего в кухне крана. Я подошел к запертой двери – тишина. На всякий случай спросил:

– Ты в порядке? Елисей? – конечно, мне не ответили.

– Извини, – тихо сказал я дверному замку. Из-за двери по-прежнему не раздавалось ни звука.

Тут я понял, что мне тяжело стоять от слабости. Все-таки я совершенно не сомкнул глаз сегодня, разве что поспал некоторое время, когда сидел в кресле напротив Хлои, но я был неуверен, спал ли, или бредил наяву, вглядываясь в ее лицо – слишком уж трудно после этой странной ночи было отличить, где сон, а где реальность. Голова гудела, есть не хотелось, от утренней сигареты тошнило. На работу мне, к счастью, нужно было возвращаться только вечером, поэтому я направился в свою комнату и лег в постель.

Глава 3

Джанвантари опустил руки в прохладную муку. Запрокинув голову, прикрыв глаза, он чувствовал под своими пальцами этот легчайший драгоценный песок. Он опустил руку в самую середину мешка, прислонившегося к теплomu боку печи, и сжал ладонь, а затем извлек ее. Белый порошок покрывал его голубоватую кожу. Он разжал кулак, позволяя муке просочиться обратно воздушной струйкой, и она тут же развеялась в тёмном воздухе вокруг него, осев на его плечах и груди. «Нельзя так расточать драгоценный материал», – спохватился Джанвантари. – Ведь ты тратишь саму жизнь».

Следовало поспешить. Он поднял с пола тяжелый и приятно шершавый глиняный кувшин, наполненный холодной и тёмной водой. Он любовно набрал полные горсти белой муки и в больших ночвах смешал ее с драгоценной влагой – и так зародилась хлябь и твердь, выпренно записал бы летописец, случись ему стоять в этот миг за плечом взволнованного знахаря. Но он был совершенно один в тёмном воздухе, напоенном сытным запахом теста и горячим дыханием огня. Джанвантари готовил смесь своими чуткими руками лекаря, оставляя в будущем хлебе словно частичку своего духа.

Он чувствовал, однако, сколь многого еще недостает вязкому сероватому тесту, зарождавшемуся в полумраке его дома. Джанвантари желал добавить туда также золотого сока солнечных цветов, вечно поворачивающих головы за своим богом, как же хотелось ему придать своему творению сладость при помощи сахарного тростника, что растет у берегов реки. Но увы, он был бессилён – только перемолотые зерна да воду и удалось добыть ему, оставшись незамеченным для демонов, шнырявших повсюду и непрестанно следящих за ним. Джанвантари оставалось только надеяться на то, что он успеет сделать все, как задумывал, скрываясь в своей обители, где сушились целебные травы у ярких огненных уст печи. Она уже ждала бледное тело хлеба, которое Джанвантари уже возложил на круглое блюдо, чтобы закалить его и дать ему цвет, окончательно вдохнуть в него жизнь.

Джанвантари, затаив дыхание, вытащил хлеб из печи своими голыми руками-лотосами, ведь им не страшен был ее жар.

Мир простирался перед его взором широкой полусферой в коричневых трещинах. Джанвантари знал, что под этой коркой он еще очень мягок, неустойчив. Еще жил в теле этого хлеба животворящий эфир – адский жар первородной печи, из которой вышел и целительный, очищающий огонь. Эта дышащая янтарным огнем печь вместе со здоровым раскаленным воздухом была небом, а поднимающаяся от его жара и обретающая форму хлебная голова – твердью.

Мир был нов и свеж, и от него шел божественно ароматный пар. Джанвантари, склонившись над делом своих рук, вдохнул этот дух полной грудью и улыбнулся – это было первое воскурение в его честь. Глина, – подумалось ему, – это грязный материал – по сути своей песок и тлен. Он не был богом, пока никого не создал. Люди, решил он, тоже должны быть сделаны из хлеба.

* * *

Очнувшись от дремы, я с тревожной досадой почувствовал, что, по мере того, как отступала бездумная расслабленность сна, меня стало неприятно знобить. Коснувшись лба рукой, я ощутил, как тот необычно и неприятно горяч. «Я просто заболел... почти не спал, и еще эта сумасшедшая ночь! Может, и не было ничего этого, и я просто провалился всё это время в жару»? Но тут мой взгляд упал на собственное запястье – на нем, смазанная, почти уже невидимая, светилась трикстерова печать. Я тихо охнул и снова закрыл глаза. Если на мне всё-таки поставили клеймо, дающее право бесплатно пойти на вечер гибельных развлечений, значит, всё это не приснилось. И Марс... может, сходить туда еще раз?.. И что, посмотреть на грязе-

вые борозды, сделанные мертвым телом в ковре из прелых листьев? Бессознательно понюхать воздух – не осталось ли в нем терпко-свежего запаха Хлои, доставшейся ему, как подарок, который он не сумел сохранить. Хлоя – значит свежая, как зелень. Где же теперь ее искать, снова на площади? Я явственно понял, что троица странных музыкантов никогда больше не встанут на мокрую, будто вылизанную гигантским языком брусчатку, потому что Марса уже нет, а Джд охраняет Хлою и вряд ли даст ей снова прийти к нему, Асфоделю, даже если бы она и хотела этого.

Лежа на боку, я почувствовал движение и мягкий стук по полу – в комнате был кто-то еще! Тут же последовал довольно сильный толчок, от неожиданности я вздрогнул: низко, прямо перед моим лицом возникли два пятна, которые тут же стали распахнутыми голубыми глазами.

– Не ожидал? – с ехидной улыбкой сказал Елисей. – Он как-то открыл дверь моей комнаты и подполз ко мне, и сейчас, чтобы заглянуть мне в глаза, привстал, опираясь на руки. Я быстро отвел взгляд.

– Как ты открыл замок?

– Не открыл, а сломал, к твоему несчастью, братец. Боже, как хочется пожрать чего-нибудь!

– Я принес хлеба и пирог. А почему ты не в коляске?

– Упал, когда пытался в нее пересесть.

– Пойдем, – господи, подумал я, ну и сморозил! – Будем мыться и завтракать.

– Не строй из себя сиделку. Мне пришлось играть в чертового шпиона, чтобы ты ко мне снизошел.

– Просто вчера был очень трудный день, Лис. Прости.

– Что, скалка была тяжелее обычного? Не верю, что ты до часу ночи был на работе, не настолько ты ее любишь.

– Мне пришлось сходить по одному важному делу.

Я уже видел на его лице знакомое выражение – как будто он надкусил очень кислое яблоко.

– Да, несомненно, по очень важному. Я это дело видел в замочную скважину.

– Так, прекрати.

– Это всё, чем я последнее время занимаюсь – прекращаю.

Он опустил на пол, положил голову на сложенные руки.

– От тебя воняет табаком как от полка солдат. Боже, я становлюсь похожим на глупую жену, надувшуюся на мужа за то, что он пришел домой под утро. Вот только жен редко когда запирают в комнате без еды.

– Извини меня, я не думал, что приду так поздно. Мне нужно было кое-что обязательно выяснить. Ведь ты же понимаешь, что я тебя запираю не для собственного удовольствия.

Позже Елисей попросил съездить с ним на прогулку, и я не смог отказать.

Когда я переносил брата на руках по лестнице (коляску снести одному было невозможно), несколько ребят у подъезда начали перешептываться, смеяться, а один бросил:

– О, смотрите, вечная любовь. Это твоя девчонка?

Я надеялся, что брат не услышит этих придурков, но Елисей очень четким и спокойным голосом произнес:

– Не улыбайся так широко, с детства лошадей боюсь.

Один из парней, тот, что первым подал голос, двинулся к нам.

«Не суйся, подумай о Лисе!», – очень громко сказал мой внутренний голос, но мне было уже не до него. Посадив Елисея в коляску, я быстро подошел к парню, стиснул его руку выше локтя и, глянув в его водянистые глаза, прошептал на ухо:

– Ты умрешь очень скоро.

– Чё?!

– Заткнись и слушай: у тебя в комнате отходит половица, об которую ты часто спотыкаешься, но все забываешь прибить, даже после нашего разговора этого не сделаешь. Через неделю ты в очередной раз зацепишься об нее ногой и упадешь, ударившись о край стола. Очень сильно ударившись. Ты потеряешь много крови, но никто не придет тебе помочь. Только твоя кошка, старая и рыжая, будет лакать из большой красной лужи вокруг твоей головы.

Я отпустил его руку. Он недоверчиво покосился на меня, но с его лица все же пропало самодовольное тупое выражение, за которое я бы с удовольствием начистил ему физиономию. Думаю, его все же проняло то, что я специально упомянул те детали, о которых знать не мог и придумать тоже вряд ли. Надо держать себя в руках и не выдать!

– Какой-то псих. Пошли, ребят.

«Ребята» бросили на асфальт окурки и, снявшись со своего насеста, не спеша стали удаляться. Двое других смерили меня напоследок взглядом. Я избегал смотреть им в глаза, не по той причине, что они думали – просто не хотел увидеть еще несколько смертей, таких же бездарных, как их жизни. Зато Елисей не поскупился на свой фирменный взгляд: смесь безразличия с презрением многолетней выдержки.

– Что ты сказал этому уродцу?

– Так, очертил перспективы.

Он усмехнулся.

Кажется, потом все шло хорошо, пока Елисей не отъехал немного вперед, там, где начинался крутой спуск, и внезапно отпустил колеса инвалидного кресла. Я только успел увидеть, как коляска медленно, как в кошмаре, катится вниз. Я бежал к нему так быстро, как только мог. Тележка врезалась в дерево и упала набок. Брат лежал на земле ничком.

– Сильно ушибся?

– Только ноги ударил. Они не болят, как ты понимаешь.

Когда мы пришли домой, я отнес его, хмурого, в его зашторенную комнату. Было такое время, когда через занавески пробивался яркий свет заходящего солнца, и вся комната казалась наполненной желтым свечением.

Я осторожно положил Елисея на кровать. Он старался казаться безучастным.

– Я хочу осмотреть твою ногу.

– Мне тоже много чего хочется.

– Наверняка там кровь, прилипнет к штанам изнутри.

– Ладно, – равнодушно отозвался он.

Я по очереди закатал его штанины до колен. На правом была небольшая ссадина. Я взял из кухонной аптечки йод и вату. Чуть было не сказал, как обычно говорят, «сейчас буде немного жечь». Это как раз было бы отлично.

Я помог Елисею сесть в коляску и отвез его на кухню. Помню день, когда я привез эту блестящую громоздкую вещь из магазина (ни у него, ни у меня не поворачивался язык назвать ее как нужно – инвалидное кресло). Помню, хотя с радостью бы забыл, как оно, сверкающее железом, с отдельными подножками, нелепо напоминающими велосипедные педали, гордо и безнадежно стало в нашей тесной прихожей, и выглядело там так же к месту, как могла бы выглядеть железная дева. Елисей, еще слабый, скованный болью и обездвиженностью, когда я вынес его из спальни и постарался усадить на тумбу, недоверчиво дотронулся тогда до обремененного обода и прочитал на спинке название коляски: «Миллениум». «Да уж, миллион лет в заднице – вот что это значит», – невесело съязвил он.

Мать дала нам поэтические имена – Асфодель и Елисей, чтобы сделать нас непохожими на других. И, видит бог, ей это удалось. И если братово имя людям хотя бы что-то говорило – помню, как в детской поликлинике все тетушки умиленно называли его Королевичем, что невероятно шло белокурому мальчику, то ответом на мое имя часто было только недоуменное

молчание – и я до сих пор его за это не люблю. Только много позже, когда среди нас, подростков, стало принято выдумывать себе необычную кличку, под которой тебя знают в компании, наши имена принимали как должное, не подозревая о том, что они настоящие.

Елисей с детства был красив полногубой и светлокудрой женской красотой, и ненавидел ее так же сильно, как ненавидит себя в зеркале скособоченный урод. Как же он злился, когда у него, еще пятилетнего, друзья мамы с настойчивой взрослой тупостью умильно спрашивали: «А что это у нас за очаровательная девочка?». Он сводил светлые брови в одну линию, смотрел на них ненавидящим взглядом и надувал губы так забавно, что я невольно тоже начинал подсмеиваться и злил этим брата еще сильнее. Легче ему стало только тогда, когда он узнал о существовании мата, да и то неnamного. Меня-то, долговязого парня, никому бы и в голову не пришло назвать девчонкой.

Думаю, Елисей был гораздо умнее меня – так естественно богата и наполнена неуловимой поэзией и легкостью была его речь, даже когда он начал сдабривать ее ругательствами. Лет в 15 он сам научился играть на гитаре, пел известные рок-баллады, из-за чего был незаменим в компаниях, потом сочинил много своих. Но с тех пор, как с ним случилось несчастье, он ни разу не взял в руки гитару, даже не надел на нее чехол. Она так и стояла, запыленная, с той самой ночи, когда он не пришел домой ночевать не потому, что остался у друзей.

Он никогда не выказывал склонности учиться чему-то определенному, настоящему делу, которое могло его кормить, и не признавал таким ни игру, ни рисование, которое тоже освоил чрезвычайно легко. Стоило ему взять в руки карандаш и обрывок бумаги, как на нем появлялся отточенный абрис: кошка запрыгивает в окно, мать, перебирающая ягоды... Портреты ему всегда удавалось выполнить с удивительным сходством. Думаю, в его нежелании заниматься чем-либо, чем просто физически существовать, подобно всякой живой твари, отчасти виноват я. Когда рядом не было больше взрослых, я не стал для него старшим, хотя был таким по возрасту. Я хотел, чтобы он уважал меня, прислушивался к моему мнению, боялся моего порицания... Я познакомил его с Алленби, когда сам стал с ним близко общаться, и Елисей из вежливости несколько раз приходил к нему в пекарню и домой. Не знаю, о чем они говорили. Вероятно, Алленби хотел дать ему работу, или зачитывал по своему обыкновению отрывки из своих любимых книг. Представляю, как Елисей в этот момент смотрел в окно и думал совершенно о другом. Он, казалось, вообще не понимал, зачем ему нужно водить знакомство с Алленби, который казался ему стариком. Просто брат отличался от меня и внешне, и внутренне, и никогда не нуждался в том, чтобы его направляли, делай это я или кто-нибудь другой. Во всяком случае, так я себя утешал. Но кто знает, как бы все обернулось, если бы нашелся человек, способный привить ему интерес к чему-то, как я хотел, важному.

Елисей не мог ходить уже два года. Постоянно подтягиваясь на руках на кровать и толкая ими колеса, он невольно накачал плечи, а его и без того узкие бедра еще более истаяли, но удивительно – даже эта болезнь делала его тело мужественно красивым.

Он продолжал относиться ко мне только как к товарищу по детским играм, затем – по играм подростков, в которых я тоже принимал участие, с тех пор как мать больше не жила с нами. Свобода вскружила нам головы, ведь препятствием для нас и наших затей были только мы сами. В 16 многие наши друзья в одиннадцать вечера говорили: «Нам пора идти, нас ждут...». Меня же с братом не ждал никто. Наша вечно пустая квартира, рай для ищущих недозволенного подростков, о которой быстро узнали наши товарищи и их друзья, стала местом непрерывного гуляния, вечно праздника жизни в облаках дыма и с батареей бутылок портвейна и кислого яблочного вина на столе. Что-то странное шевелится на дне моей души, когда я думаю о том, сколько людей потеряли невинность на наших с Елисеем кроватях, в крутящейся от выпитого прокуренной темноте наших комнат, в то время как на кухне, сидя на полу, остальные пили до последней капли, и кидали пустые бутылки прямо с балкона в бак, и горланили одни и те же песни сутки напролет. Елисей, крутя на пальце колечко от пивной

банки, проводит вновь прибывшим экскурсию: «Конечно, можно курить прямо здесь, я так делаю, даже Дель так делает!! А здесь у нас место, где господа и дамы могут блевануть, если им заблагорассудится!» Только материну спальню я, чудом не растеряв каких-то остатков приличия, запер на ключ, спрятал его и никогда не пускал туда посторонних, даже когда людей было больше, чем могло поместиться на кроватях. «Ложитесь штабелями, граждане, решим демографический вопрос!», весело кричит Елисей, аккуратно перешагивая с бутылкой пива в руке разлегшиеся на полу в изнеможении тела. Под большим белым камнем на полке в коридоре я нашел крупную сумму денег, которая, как я понял, предназначалась мамой нам «на первое время». У меня хватило ума заплатить за квартиру на несколько месяцев вперед, а остальное мы очень весело принялись тратить, не заботясь ни о заполненности холодильника, ни о новой одежде.

В своем царстве безграничной свободы мы были королями и пожинали свои законные плоды. Те бесшабашные, счастливые дни, которые теперь невозможно вспомнить без тайной мысли вроде «боже, и это все было со мной? И это я считал нормальным?», неизменно вызывают у меня в голове образ Дианы. Все, чем обычно недовольны девушки, у нее было как надо: пышные кудрявые волосы (от природы пшеничные, она и ее подруга красили их в одинаково желанный тогда для всех среди нас, парней и девушек, цвет «воронова крыла»), тонкая талия, маленькая ножка, белая, гладкая кожа. Я познакомился с ней, когда она перешла учиться к нам в школу, в параллельный одиннадцатый класс. Она никогда не носила школьную форму, ей, вероятно, были смешны выговоры по этому поводу. На ней были гриндерсы и вязаные свитера-гранж, или нарочитая, с крахмальным передничком форма, которая теперь вызывала у меня ассоциации с костюмом для известного рода игр. Казалась усталой, опытной женщиной, а ведь ей не было тогда и семнадцати. Возможно, этим она меня и заинтересовала, ведь я всегда имел слабость к необычным людям. Однако до сих пор не могу усвоить, что опыт и мудрость могут никогда не встречаться вместе. Она никогда не кичилась своей «субкультурностью». «Когда я переехала сюда, у меня был прокол нос, брови. Я пришла сюда прямо в таком виде, а она сказала – сними это все... И я сняла, – спокойно рассказала она как-то, в одну из первых наших встреч без всякого пренебрежения, с помощью которого обычные люди только и могут возвыситься над теми, кто сильнее их. Но за всем этим чувствовался надлом. Например, когда я говорил ей, что поссорился с матерью, она улыбалась чуть снисходительно: «А я с родителями не ссорюсь. И не мирюсь». К тому времени я уже знал, что им просто на нее наплевать. Вот, должно быть, почему она делала все это – сигарета за сигаретой, молоко с травой, портвейн... не на кого оглядываться. Незачем себя беречь, потому что не чувствуешь себя нужной – это было уже не нашим баловством с сигаретой и запретной бутылкой пива после школы. Не знаю, прав ли я в своих выводах, возможно, они бы ее рассмешили. Она мне казалась человеком готики, но при этом – слабым и несчастным существом. Не знаю, что с ней сейчас, решила ли закончить эту игру в жизнь, или живет где-то, наверняка с новым мужчиной, который непременно гораздо старше меня и, возможно, лучше. Если это так, думаю, он обходится с нею примерно как опытный, уверенный в себе врач-психиатр, а она умело, привычно разыгрывает из себя умную, но разбитую жизнью жертву, и в итоге все более-менее счастливы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.